

Кирчанов Максим Валерьевич

доктор исторических наук,
доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран
Воронежского государственного университета

**ПРОБЛЕМЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ОБРАЗОВ ДРУГОГО
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ
ТЕЧЕНИЙ В ИСТОРИОГРАФИИ)**

Аннотация:

В статье проводится мысль о том, что история играет особую роль в развитии национальной идентичности и памяти. Эта роль истории актуализируется в транзитных обществах. История тесно переплетается с национализмом. Националистические интеллектуалы (Ю. Мухин, Н. Нарочницкая, А.Р. Дюков и др.) стремятся формировать и предлагать обществу исторические нарративы в националистической системе координат. Эта активность националистов приводит к различным последствиям. Она содействует размыванию канонов исторического исследования и политизации историографии.

Ключевые слова:

историография, национализм, историческая память, историческая политика.

Kirchanov Maxim Valeryevich

D.Phil. in History,
Associate Professor, Regional Studies
and Foreign Countries' Economy Subdepartment,
Voronezh State University

**PROBLEMS OF
FUNCTIONING OF
THE OTHERS IMAGES
IN THE CONTEMPORARY RUSSIA
(CASE STUDY OF
NATIONALIST TRENDS
IN HISTORIOGRAPHY)**

Summary:

The article advances an idea that history plays a special role in the development of national identity and memory. This role of the history is actualized in transit societies. The history is closely intertwined with nationalism. The nationalist intellectuals (Y. Mukhin, N. Narochnitskaya, A.R. Dyukov and others) aspire to establish and suggest historical narratives from the nationalist perspective. This nationalists' activity results in various consequences. It contributes to diffusion of standards of a historical research and encourages politicization of historiography.

Keywords:

historiography, nationalism, historical memory, historical policy.

Особую роль в транзитных обществах играет историческая политика и дебаты относительно различных проблем истории того или иного общества. Профессиональные сообщества историков в таких странах, как правило, фрагментированы, а особую роль в их функционировании играют историки и интеллектуалы, которые придерживаются умеренных или радикальных националистических позиций. Они играют особую роль в формировании и функционировании образов Другого, которые необходимы для укрепления и поддержания национальной идентичности. Именно некоторые проблемы существования подобных нарративов в историографическом пространстве современной России и будут в центре авторского внимания в настоящей статье.

На протяжении длительного времени главным врагом для русских националистов в Европе была и оставалась Польша. Антипольская истерия периодически используется российскими националистами как универсальный способ напоминания обществу о себе. Усилиями российских «вечно вчерашних» вокруг Польши сформирован образ центра европейской русофобии, проявлением которой, как настаивает Ю. Мухин, является «катынское дело». Анализируя расстрел пленных польских офицеров, российские «вечно вчерашние» проявляют свою подлинно «вчерашнюю» сущность, активно используя интерпретацию событий сталинской эпохи, от которой российские власти отказались в начале 1990-х гг., признав факт расстрела офицеров органами НКВД. Ю. Мухин пытается реанимировать старую концепцию о том, что офицеры были расстреляны не в 1940 г., а в 1941 г., не НКВД,

а немецкими оккупантами. Юрий Мухин не жалеет черных красок для описания «антирусски настроенных поляков» [1].

Мухин сознательно и усиленно демонизирует поляков, утверждая, что «поляки свое право убивать беззащитных считают святым... убийство женщин и детей считалось польской доблестью и геройством». Это якобы свойственное для поляков маниакальное влечение к убийствам Ю. Мухин объясняет следующим образом: «Поляки – вполне западные люди, и им в удовольствие убивать безоружных и беззащитных» [2]. В этом контексте в политической демагогии современных российских «вечно вчерашних» антипольский национализм сочетается с антизападничеством, а Польша в рамках русского националистического мифа трансформируется в главную антирусскую страну Европы. Идеи Ю. Мухина столь же ненаучны, сколь и безответственны. Но «вина» появления подобных текстов лежит не только на Ю. Мухине и других русских националистах. Определенную ответственность несет и академическое сообщество, которое в 1990–2000-е гг. было не в состоянии предложить «альтернативную концепцию истории, которую восприняли бы широкие круги общества» [3]. Российское общество эпохи перехода оказалось занято решением преимущественно социально-экономических проблем, что отодвинуло на задний план исторические противоречия, которые замалчивались или игнорировались.

В подобной ситуации другие постсоциалистические страны создали свои национальные версии истории, а РФ подобным историческим шансом оказалась не в состоянии воспользоваться. Относительная экономическая стабилизация 2000-х гг. дала возможность российским элитам вновь вернуться к советской практике активной работы с прошлым, но ситуация осложнялась уже не только наличием альтернативно написанных версий истории, например, в Украине и в Польше, но и тем, что радикальные русские националисты также оказались в состоянии предложить свои версии прошлого, основанные не на академически признанных нормах, а на последовательной политизации истории в этнически выверенной системе координат. Ю. Мухин настаивает, что польский национализм в XX в. развивался как исключительно этнический и был направлен против соседей Польши, что вызывает определенное раздражение и непонимание с польской стороны, где сложилась своя школа в изучении национализма. В этом контексте поляки предстают как нация военных преступников. Русские «вечно вчерашние» не жалеют красок для демонизации поляков, утверждая, что «поляки убивали белорусских подростков Гродно только потому, что те белорусы, убивали жителей Бромберга и Шулитце только потому, что они немцы, убивали советских людей в Едвабне только потому, что они евреи» [4].

Анализируя проблемы отношений политики и историографии, Георгий Касьянов подчеркивает, что история нередко может использоваться для индоктринации общества [5]. Тексты Ю. Мухина и ему подобных действительно призваны содействовать идеологизации общества, политизации вопросов прошлого. В этом контексте Ю. Мухин стремится в максимальной степени использовать потенциал исторического «воображения» (в его случае – воображения в негативном смысле) для формирования образов Другого. История нередко играет ведущую роль в формировании образов Других в национальных историографиях, но эти Другие, как правило, являются в большей степени политическими и идеологическими противниками, в то время как Ю. Мухин предлагает образ Других, созданный не в научной, а в большей степени – политизированной системе координат, основанной на принципах не политического, а этнического национализма.

Ю. Мухин в рамках существующей в современной российской историографии традиции (признаваемой, правда, далеко не всеми представителями научного сообщества и в большей степени характерной для Института демократии и сотрудничества, Института ис-

торической перспективы и Института военной истории [6], культивирующей идею об ответственности Польши за начало Второй мировой войны [7]) усиленно культивирует антирусский образ Польши, подчеркивая, что польские элиты часто выступали против России и православных, стремясь, например, отторгнуть Украину. Ю. Мухин определяет Польшу как «государство расистов», «государство особой наглости» [8]. В этом отношении писания Ю. Мухина и подобных ему авторов вступают в открытый конфликт с принятыми академическими нормами историописания. Алексей Миллер полагает, что «профессиональные нормы предполагают такое построение аргумента, которое открыто для верификации, то есть проверки источников и критики тех логических ходов и ценностных установок, которые использует автор» [9]. Историков патриотической ориентации возможность и тем более необходимость проверки источников не интересует в принципе. Более того, российские историки националистической ориентации нередко имеют весьма расплывчатые представления о формах и методах работы с историческими источниками. В подобной ситуации тексты «вечно вчерашних» отличаются крайне низким методологическим уровнем, будучи подчиненными не логике проведения научного исследования, а формированию мифа, призванного обслуживать те или иные политические круги, программа которых строится на принципах этнического национализма и неприятия результатов распада Советского Союза.

В текстах Ю. Мухина в отношении Польши фигурируют определения, выдержанные в духе советской стилистики. Например, он пишет о «Польше под пятой шляхты». Именно на польские элиты Ю. Мухин возлагает ответственность за поражение Польши в 1939 г., полагая, что движимая антирусскими настроениями пресловутая «шляхта» предпочла «отдать народ на растерзание немцам». В этой ситуации И. Сталин [10] позиционируется как наиболее последовательный защитник Польши, который «делал все, чтобы Польша сохранила свою государственность и суверенитет. И Сталин бы сохранил суверенитет Польши, если бы в ней не жила польская шляхта» [11]. В подобной ситуации продукция, которая выходит из-под пера представителей патриотической историографии, отличается значительным советским сентиментом.

Комментируя интерес к советскому и идеализацию всего, что хронологически можно связать с периодом между 1917 и 1991 гг., содействует все более углубляющемуся кризису современной российской государственности. Комментируя подобные трансформации, российский политолог Святослав Каспэ подчеркивает, что «реабилитация советского прямо пропорциональна дезавуированию российского: чем выше красный стяг, тем ниже триколор» [12]. Подобные трансформации в сфере публичных проявлений исторической памяти в современной России указывают на значительные сложности, с которыми российская государственность сталкивается в деле легитимации самого факта своего существования. Истоки подобного кризиса разнообразны, но их, вероятно, следует искать в тех упущенных возможностях, которыми в 1990-е гг. не воспользовалась Россия, оказавшись не в состоянии сформировать ни политическую, ни национальную идентичность. Последняя фактически оказалась невозможной без радикальной ревизии истории, ее переписывания, новейшего воображения национальной, а не социально-экономической истории. Именно поэтому в стране, где не сложился канон написания / описания национальной истории, любые попытки консолидации идентичности с использованием национально маркированных символов практически всегда будут не в состоянии конкурировать с идеологически выверенным, но столь мифологизированным и поэтому привлекательным прошлым.

Лидеров Польши Ю. Мухин определил как «гносных идиотов», склонных к союзу с А. Гитлером, а маршал Э. Рыдз-Смиглы удостоился оценки «гноснейшего главнокомандующего». В своей книге «Антироссийская подлость» Ю. Мухин фактически издевается над

польской национальной памятью, одним из центральных элементов которой является память о жертвах Катыни. Ю. Мухин утверждает, что в случае очередной победы России над Польшей «Россия выполнит евроремонт во всех лагерях для военнопленных польских офицеров, а каждому пленному польскому офицеру будет выдано по сабле». Расстрел польских офицеров НКВД Ю. Мухин называет «мифическим», видя в нем составной элемент польской антироссийской политики: «после войны для польских шляхетских уродов, ошивающихся за границей, Катынское дело стало единственным оправданием того, почему они не воевали против немцев» [13].

Писания Ю. Мухина отражают только один из пластов исторической памяти в России, связанный с определенными группами, преследующими политические цели. Современный польский историк Роберт Траба подчеркивает, что коллективная память является отражением «политической и общественной конъюнктуры» [14], но, анализируя работы Ю. Мухина, во внимание следует принимать их крайне ограниченную репрезентативность общественного мнения и отношения к Польше в современной России, незначительное число потребителей и практическое отсутствие влияния (вместо влияния корректнее констатировать неприятие и раздражение) на академическое сообщество. Тексты Ю. Мухина не дают среза общего состояния исторической памяти и тем более современной российской исторической науки по той причине, что они не являются ее частью. Усилиями Ю. Мухина поляки превратились в военных преступников, которые зверски убивали... немцев в 1939 г. Комментируя внешнюю политику Польши в 1930-е гг., Ю. Мухин пишет, что «поляки понимали, что сами они Украину не отвоюют, но тут, на их счастье, к власти в Германии пришел Гитлер». В этом контексте российские реваншисты особое внимание акцентируют на «дружбе шляхты и нацистов». В этом контексте ответственность за начало Второй мировой войны Ю. Мухин возлагает исключительно на Польшу, полагая, что поляки «не только развязали войну, но и совершили первое преступление против мирного населения – вырезали мирное немецкое население Бромберга и Шулитце» [15].

Для современных российских «вечно вчерашних» характерен значительный интерес к советскому прошлому, который трансформируется в его идеализацию и фактическую реабилитацию. Юрий Мухин, например, в первой половине 2000-х гг. (спустя более чем десять лет после распада СССР) декларировал: «Я нормальный гражданин Советского Союза». Юрий Мухин идеализирует Советский Союз, утверждая, что СССР «был государством, построенном на идеях справедливости» [16]. Неосоветская ностальгия некоторых «историков» националистической ориентации в современной России связана с изменением статуса русских в бывших советских республиках. Комментируя политические и статусные трансформации, российский исследователь В.А. Шнирельман подчеркивает, что «некоторые доминировавшие прежде группы на наших глазах теряют свой прежний привилегированный статус и превращаются в этнические меньшинства со всеми вытекающими из этого последствиями» [17]. Именно эти последствия в наибольшей степени неприятны для современных историков и публицистов националистической ориентации в России, которые, ратуя за «восстановление» некой мифической «исторической справедливости», фактически содействуют этнизации дебатов о прошлом, переводя их из академической сферы в плоскость политического языка улицы.

Особое внимание современные российские «вечно вчерашние» уделяют прибалтийским государствам. Как правило, анализируя проблемы политической истории Литвы, Латвии и Эстонии между двумя мировыми войнами, русские националисты активно используют тот методологический инструментарий, который унаследовали от советской историографии, соединив его с идеями русского великодержавного национализма. Например, Ю. Мухин утверждает, что до распада Российской империи латыши, литовцы и эстонцы жили

хорошо потому, что о них заботилась Россия. Ю. Мухин категорически утверждает, что «суверенная Литва была аграрной и нищей, как церковная крыса» [18], не заботясь об аргументации столь однозначных и спорных утверждений. В рамках подобного восприятия присоединение трех балтийских государств в 1940 г. к СССР оценивается как исключительно позитивное событие. Аналогичные настроения характерны и для Н. Нарочницкой, которая, фальсифицируя историю российской внешней политики, пытается доказать, что все нерусские народы вошли в состав России исключительно добровольно потому, что знали, что в ней «им найдется достойное место» [19].

Более изощрен в своих построениях А. Дюков, глава Фонда «Историческая память» (российского аналога разного рода научных институтов с весьма спорной репутацией, действующих, например, в Германии), который получил доступ к архивам ФСБ, что дало ему возможность опубликовать несколько сборников документов [20], снабженных одиозно написанными и идеологически выверенными предисловиями и вступительными статьями [21], которые представляют собой причудливую смесь ностальгии по советской борьбе с «буржуазным национализмом», коммунистической идеологии и традиционных для русского национализма концепций об особой роли России в мире, особенно – в регионе Восточной и Центральной Европы. При всей одиозности писаний А. Дюкова и сотрудников его Фонда, следует признать, что они успешно имитируют академический стиль, некоторые из их текстов сопровождаются научно-справочным аппаратом, что делает их более качественными, чем маргинальные публикации Ю. Мухина. Сравнивая тексты современных российских авторов патриотической ориентации, посвященные балтийским государствам, издания А. Дюкова, вероятно, следует признать наиболее ценными уже потому, что они делают доступными для исследователей те документы, к которому большинство из них не в состоянии получить доступ по причине закрытости архивов ФСБ. Тексты А. Дюкова, вероятно, свидетельствуют о том, что российская патриотическая историография националистической направленности обретает свое академическое респектабельное лицо и раскрывает определенный интеллектуальный потенциал, который свидетельствует о том, что и российские «вечно вчерашние» в состоянии творить в стиле столь нелюбимых в советской историографии «западногерманских реваншистов» [22] и их современных наследников [23], тексты которых методологически, теоретически и содержательно в большей мере соотносятся с традициями радикального и воинствующего национализма, а не академического историописания.

Сознательно искажая историю России, Н. Нарочницкая утверждает, что в России «в отличие от европейской практики не было неприятия инородцев» [24], сознательно умалчивая о политике русификации, принудительной христианизации нерусских народов, запрещении национальных языков и официальном антисемитизме Российской империи. Россия преподносится националистами как своеобразный рай, где русские и нерусские «в братском взаимодействии» [25] идут к процветанию, как в советское время строили коммунизм. Комментируя политику стран Балтии, Ю. Мухин позволяет себе весьма жесткие выражения, которые не соотносятся с нормами научной объективности: «Латвия, Литва и Эстония – девушки предосудительного поведения... усиленно крутили теми местами, которые они считали наиболее соблазнительными» и т. п. С другой стороны, довоенные политические режимы определяются как «фашистские», что свидетельствует о генетическом родстве современных российских «вечно вчерашних» с их советскими предшественниками. Ю. Мухин, как и другие современные российские националисты, смотрит на балтийские государства как на историческую случайность, культивируя нарратив о том, что латыши, литовцы и эстонцы не хотели жить в независимых государствах, мечтая только о том, чтобы войти в состав СССР, так как «тяга соседей к Советскому Союзу была огромна».

Современные российские реваншисты стараются оправдать принудительное присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к СССР, культивируя нарратив о том, что секретный протокол к пакту Молотова – Риббентропа является фальшивкой [26].

Подводя итоги, во внимание следует принимать ряд факторов. Современные российские «вечно вчерашние» не являются единым политическим и научным течением с четкой программой. Российские националисты и радикалы склонны к значительной фрагментации. Мы можем выделить не только радикальное публицистическое течение (Ю. Мухин), но и тех авторов (Н. Нарочницкая, А. Дюков), которые стремятся позиционировать себя как представителей научного сообщества. Стержнем исторических концепций современных «вечно вчерашних» является национализм, основанный на вере в то, что против православной России существует всемирный заговор, направленный на уничтожение российской государственности. Для «вечно вчерашних» мир делится на Россию и анти-Россию, под которым они (в зависимости от степени радикализма) понимают весь Запад, отдельные страны Европы (для российских националистов на роль главной антирусской силы в Европе традиционно претендует Польша) или постсоветские государства. Анализируя национализм «вечно вчерашних», во внимание следует принимать и то, что для него характерны мощные примордиалистские тренды.

В подобной ситуации российскими националистами отторгаются достижения западных гуманитарных наук, связанные с изучением национализма. Из подобного примитивного примордиализма вытекает и прочтение истории постсоветских стран как антирусских проектов. Наделяя русскую нацию значительным набором исторических, социальных и политических добродетелей, современные «вечно вчерашние» в России склонны видеть в независимых Украине, Беларуси, Латвии, Литве, Эстонии и Грузии – исторические недоразумения. Для российских националистов украинцы и латыши не являются полноценными нациями. Российские «вечно вчерашние» свято верят в то, что те же украинцы и латыши – это инородцы, которые случайно стали нациями и не были ассимилированы россиянами. Культивируя подобные концепции, российские «вечно вчерашние» демонстрируют свое генетическое родство с немецким национал-социализмом, теоретики которого также отказывали в праве на независимое историческое и культурное развитие народам Центральной и Восточной Европы.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать и то, что современные российские «вечно вчерашние» являются сообществом «историков»-ревизионистов и реваншистов, которые концентрируются вокруг различных «фондов» и «институтов», составляющих основу консервативного и политизированного течения в развитии гуманитарных наук в России. Своими работами они зовут Россию и читателей назад – в Российскую империю, Советский Союз, некую мифическую православную цивилизацию. Вместо умеренной национализации истории советского периода (что сделано, например, академическим сообществом в Украине), вместо формирования новой исследовательской повестки дня, способной прервать преимущественно нормативное развитие российской историографии «вечно вчерашние» предлагают нам вернуться к тем подходам, которые доминировали до распада Советского Союза, перейдя на принципы политического изоляционизма, и отказаться от исторической возможности создания гуманитарных *Studies*, которые по уровню своего развития не отставали бы от аналогичных направлений знания на Западе.

Ссылки:

1. Мухин Ю. Антирусская подлость. Научно-исторический анализ. Расследование фальсификации Катынского дела Польшей и Генеральной Прокуратурой России с целью разжечь ненависть поляков к русским. М., 2003. С. 4.
2. Там же. С. 201, 327.

3. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et contra. 2009. № 3–4. С. 44.
4. Мухин Ю. Указ. соч. С. 221.
5. Касьянов Г. Голодомор и строительство нации // Pro et contra. 2009. № 3–4. С. 24.
6. Кегель И. де. На пути к «предсказуемому» прошлому? Комментарий к созданию Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в России // Ab Imperio. 2009. № 3. С. 371–372.
7. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну / под ред. Н. А. Нарочницкой, В. М. Фалина. М., 2009.
8. Мухин Ю. Указ. соч. С. 41, 62, 103.
9. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 7.
10. Хапаева Д. Очарованные сталинизмом: массовое историческое сознание в преддверии выборов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/645/650/> (дата обращения: 15.10.2013).
11. Мухин Ю. Указ. соч. С. 27, 31, 151.
12. Каспэ Св. Постсоветские нации в саду расходящихся тропок // Россия в глобальной политике. 2009. № 6.
13. Мухин Ю. Указ. соч. С. 43, 176, 303, 739–740.
14. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке. С. 52.
15. Мухин Ю. Указ. соч. С. 48, 106, 200–203.
16. Там же. С. 27, 54.
17. Шнирельман В. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/schnir_nac_simv.php (дата обращения: 15.10.2013).
18. Мухин Ю. Указ. соч. С. 136.
19. Нарочницкая Н. Россия – всегда только империя. С. 22.
20. Дюков А.Р. Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009. 176 с.
21. Дюков А. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2008. 152 с.
22. Meiser P. Polen – ein Ärgernis?: die Geschichte einer gestörten Nachbarschaft. Tübingen, 2008.
23. Морозова В.Н. Праворадикальные издательства в ФРГ: спектр возможностей и границы противодействия // Панорама-2010 : сб. науч. материалов / под общ. ред. А.А. Слинько ; отв. ред. О.В. Шаталов. Воронеж, 2011. С. 90–96.
24. Нарочницкая Н. Не бойтесь, что мы русские. С. 46.
25. Нарочницкая Н. Освобождение от мифов. С. 28.
26. Мухин Ю. Указ. соч. С. 57–58, 64, 129, 136.

References:

1. Mukhin, Y 2003, *Anti-Russian villainy. Scientific and historical analysis. Investigation falsification of the Katyn case Poland and the General Prosecutor's Office of Russia in order to incite hatred of the Poles to Russian*, Moscow, p. 4.
2. Mukhin, Y 2003, *Anti-Russian villainy. Scientific and historical analysis. Investigation falsification of the Katyn case Poland and the General Prosecutor's Office of Russia in order to incite hatred of the Poles to Russian*, Moscow, p. 201, 327.
3. Traba, R 2009, 'Polish debate about the stories in the XXI century', *Pro et contra*, no. 3-4, p. 44.
4. Mukhin, Y 2003, *Anti-Russian villainy. Scientific and historical analysis. Investigation falsification of the Katyn case Poland and the General Prosecutor's Office of Russia in order to incite hatred of the Poles to Russian*, Moscow, p. 221.
5. Kasyanov, G 2009, 'Holodomor and nation building', *Pro et contra*, no. 3-4, p. 24.
6. De Kegel, J 2009, 'Towards a "predictable" past? Comment to the creation of the Commission on counteracting attempts to falsify history in Russia', *Ab Imperio*, no. 3, p. 371-372.
7. Narochnitskaya, NA & Falin, VM (ed.) 2009, *Score Second World War. When and who started the war*, Moscow.
8. Mukhin, Y 2003, *Anti-Russian villainy. Scientific and historical analysis. Investigation falsification of the Katyn case Poland and the General Prosecutor's Office of Russia in order to incite hatred of the Poles to Russian*, Moscow, p. 41, 62, 103.
9. Miller, A 2009, 'Russia: the power and history', *Pro et contra*, no. 3-4, p. 7.
10. Khapaeva, D 2013, *Enchanted Stalinism: mass historical consciousness ahead of elections*, retrieved 15 October 2013, <<http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/645/650/>>.
11. Mukhin, Y 2003, *Anti-Russian villainy. Scientific and historical analysis. Investigation falsification of the Katyn case Poland and the General Prosecutor's Office of Russia in order to incite hatred of the Poles to Russian*, Moscow, p. 27, 31, 151.
12. Kaspé, S 2009, 'Post-Soviet nation in the garden of forking paths', *Russia in Global Affairs*, no. 6.
13. Mukhin, Y 2003, *Anti-Russian villainy. Scientific and historical analysis. Investigation falsification of the Katyn case Poland and the General Prosecutor's Office of Russia in order to incite hatred of the Poles to Russian*, Moscow, p. 43, 176, 303, 739-740.
14. Traba, R 2009, 'Polish debate about the stories in the XXI century', *Pro et contra*, no. 3-4, p. 52.
15. Mukhin, Y 2003, *Anti-Russian villainy. Scientific and historical analysis. Investigation falsification of the Katyn case Poland and the General Prosecutor's Office of Russia in order to incite hatred of the Poles to Russian*, Moscow, p. 48, 106, 200-203.
16. Mukhin, Y 2003, *Anti-Russian villainy. Scientific and historical analysis. Investigation falsification of the Katyn case Poland and the General Prosecutor's Office of Russia in order to incite hatred of the Poles to Russian*, Moscow, p. 27, 54.
17. Shnirelman, B 2013, *National symbols, myths and ethnohistorical ethnopolitics*, retrieved 15 October 2013, <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/schnir_nac_simv.php>.

18. Mukhin, Y 2003, *Anti-Russian villainy. Scientific and historical analysis. Investigation falsification of the Katyn case Poland and the General Prosecutor's Office of Russia in order to incite hatred of the Poles to Russian*, Moscow, p. 136.
19. Narohnitskaya, N, *Russia - always only empire*, p. 22.
20. Dyukov, AR 2009, *Mercy for the fallen: Soviet reprisals against Nazi collaborators in the Baltic States*, Moscow, 176 p.
21. Dyukov, A 2008, *Supporting enemy. OUN, UPA and the solution to the "Jewish question"*, Moscow, 152 p.
22. Meiser, P 2008, *Polen - ein Ärgernis?: Die Geschichte einer gestörten Nachbarschaft*, Tübingen.
23. Morozova, VN 2011, 'Right-wing publishing house in Germany: the range of possibilities and the limits of counter-action', in Slinko, AA & Shatalov, OV (ed.), *Panorama 2010: scientific materials*, Voronezh, p. 90-96.
24. Narohnitskaya, N, *Do not be afraid that we are Russian*, p. 46.
25. Narohnitskaya, N, *Exemption from myths*, p. 28.
26. Mukhin, Y 2003, *Anti-Russian villainy. Scientific and historical analysis. Investigation falsification of the Katyn case Poland and the General Prosecutor's Office of Russia in order to incite hatred of the Poles to Russian*, Moscow, p. 57-58, 64, 129, 136.